

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: М. Я. ЛАЗЕРСОН

Е. В. ТИМОШИНА*

В статье рассматривается психологическая теория права М. Я. Лазерсона. В отличие от некоторых других учеников Л. И. Петражицкого, пробовавших свои силы в различных методологических направлениях, Лазерсон последовательно придерживался позиции психологического реализма. Наиболее оригинальной его идеей является развитая им реалистическая концепция естественного права. Кроме того, работы Лазерсона представляют интерес с той точки зрения, что они позволяют реконструировать отношение психологической теории права к новым направлениям в теоретической юриспруденции — чистому учению о праве Г. Кельзена, феноменологии и др.

Рассматривая предмет и метод теории права с позиции психологического реализма, автор статьи приходит к выводу о том, что Лазерсон придерживался принятого Петражицким деления теоретических и практических юридических наук. Соответственно теория права есть наука о психическом бытии права и характеризуется использованием экспликативного метода, юридическая догматика есть наука, изучающая позитивное право как систему нормативных суждений при помощи нормативного метода. Данная методологическая позиция Лазерсона определяет основные направления критики им чистого учения о праве, которому ученый отказывает в теоретическом характере.

В статье анализируется также реалистическая концепция естественного права Лазерсона, цель разработки которой состояла в том, чтобы избавить понятие естественного права от связи с той или иной идеологией и рассмотреть его «реально-психологически» — как социально-приспособленное интуитивное право, т. е. психическое переживание особого рода, сформировавшееся в результате эволюции правовой психики. Гипотеза Лазерсона об эволюционном отборе интуитивных правовых эмоций позволила предположить, что такой же эволюционный отбор действует и в отношении позитивного права — прежде всего в отношении нормативных фактов, что, по мнению автора статьи, позволяет снять некоторые противоречия в концепции нормативных фактов Петражицкого.

Тимошина Елена Владимировна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры
теории и истории
государства и права СПбГУ

* Timoshina Elena Vladimirovna — doctor of legal sciences, professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg State University.

E-mail: timochina@yandex.ru

© Тимошина Е. В., 2014

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психологическая теория права, правовой реализм, естественное право, чистое учение о праве, предмет и метод теории права, Л. И. Петражицкий, М. Я. Лазерсон, П. А. Сорокин, Г. Кельзен, Э. Гуссерль.

TIMOSHINA E. V. PSYCHOLOGICAL REALISM: M. LASERSON

The paper analyses M. Laserson's psychological theory of law. Unlike some other disciples of L. Petrażycki who tried to develop different methodological schools, Laserson consistently adhered to the position of psychological realism. The realistic conception of natural law was the most interesting idea developed by him. Moreover, the writings of Laserson are interesting because they enable to reconstruct the relation of psychological theory of law to some new schools of theoretical jurisprudence — to H. Kelsen's pure theory of law, phenomenology etc.

Considering the subject and the method of legal theory from the position of psychological realism, the author concludes that Laserson relied upon Petrażycki's classification of theoretical and practical legal sciences. Thus, the legal theory is a science of psychological being of law, and it is characterized by the usage of an explicative method, while the legal dogmatics is a science that studies positive law as a system of normative judgments by means of a normative method. This methodological position of Laserson determines the main aspects of his criticism of the pure theory of law, the theoretical character of which he refused to recognize.

The paper also analyses Laserson's realistic conception of natural law, because its development was aimed at liberating the concept of natural law from the connection to any ideology and at considering it in a "real-psychological" aspect, as the socially adapted intuitive law, i.e. as specific psychical experience formed as a result of the evolution of legal psyche. Laserson's hypothesis of the evolutionary selection of intuitive legal emotions enabled to suggest that the similar evolutionary selection functions as regards the positive law, primarily as regards normative facts. In the author's opinion, it enables to eliminate some contradictions in Petrażycki's conception of normative facts.

KEYWORDS: psychological theory of law, legal realism, natural law, pure theory of law, subject and method of legal theory, L. Petrażycki, M. Laserson, P. Sorokin, H. Kelsen, E. Husserl.

I. Введение. Жизнь в эмиграции: из переписки с П. А. Сорокиным. Максим Яковлевич¹ Лазерсон (1887–1951) — ученик Л. И. Петражицкого, закончил Санкт-Петербургский университет. В 1920-е гг. эмигрировал в Латвию, где написал свою главную работу «*Общая теория права*» (1930).²

¹ В некоторых публикациях М. Я. Лазерсона встречаются инициалы «М. М.». Вторая буква «М.» после имени «Максим» означает его «второе библейское имя — Матасия, в просторечии — Матвей» (*Письмо* М. Я. Лазерсона П. А. Сорокину от 17 апреля 1944 г. // Сорокин П. Избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда, 2009. С. 60).

² Основные работы М. Я. Лазерсона: 1) Реформа партикулярных избирательных систем Германии и компетенция имперских органов // *Право*. 1913. № 21. Стб. 1323–1332; № 22. Стб. 1386–1393; 2) Экспериментально-психологический метод и юридический модернизм // *Вестник права и нотариата*. 1913. № 29. С. 871–875; 3) К характеристике основных законов // *Право*. 1914. № 15. Стб. 1209–1219; 4) Догматика и политика в германском государствоведении. М., 1916. 29 с.; 5) К международной постановке еврейского вопроса: с приложением документов. Пг., 1917. 94 с.; 6) Национальность и государственный строй: юридико-политические очерки. Пг., 1918. 188 с.; 7) *Право, правизна и трудовой процесс. Опыт социолого-лингвистического объяснения понятия права*. Петроград, 1919. 30 с. (переводы: *Recht, Rechtsseitigkeit und Geradheit. Versuch einer rechts-philosophisch-linguistischen Klärung des Rechtsbegriffes*. Berlin-Riga, 1921.

Был членом латвийского парламента и профессором Коммерческого института в Риге, приглашенным профессором Гейдельбергского и Берлинского университетов.³ После захвата власти К. Улманисом в 1934 г. он был лишен профессуры и полгода отсидел в латвийском концлагере. В декабре того же года М. Я. Лазерсон уезжает во Францию, а оттуда — в Палестину, где вместе с коллегами создает частную Высшую школу права и экономики, работа в которой, однако, не приносит дохода. Находясь в затруднительном материальном положении и тяжелом душевном состоянии, М. Я. Лазерсон в 1936 г. обращается к П. А. Сорокину, также ученику Л. И. Петражицкого, с просьбой о содействии в получении «какого-нибудь места» в одном из университетов США. Приведем выдержку из этого письма:

«Не могу примириться с тем, что — если все останется у меня как теперь — на всю жизнь придется остаться наполовину ученым, наполовину политиком и культуртрегером. Быть может, объективно я не прав, и есть смысл даже в такой раскромсанной деятельности, но субъективно иначе чувствовать не могу. Я устал и измучен. И хочу последнюю треть моей жизни остаться только при своих колодцах. Хочу научной, общезначимой работы. У меня от минувшей догматики права рябит в глазах, неоднократно приходится думать о *“die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft”*. Вы, как сразу ушедший с юридического факультета в социологию, не можете так глубоко это почувствовать, как я, много работавший по догматике государственного права. Посмотрите эти “метаморфозы”!

С 1911 г. стал писать... по “действующему” русскому государственному праву последнего императорского периода (1906–1917). В феврале 1917 г. все старые конструкции оказались недееспособной макулатурой. Во времена Керенского выпустил толстую книгу и несколько брошюр о демократическом русском государственном праве. С приходом большевиков через 7–8 месяцев и это оказалось (“контрреволюционной”) макулатурой. Уехал в Латвию. Здесь в качестве секретаря публично-правовой комиссии парламента работал над созданием латвийского государственного права в демократическом стиле, а вне Латвии работал над столь же прочным германским республиканско-демократическим

64 s.; Right, right-handedness and uprightness // *American Sociological Review*. 1939. Vol. 4. N 4. P. 534–543); 8) Революция и право. Рига, 1926. 37 с. (перевод: Revolution und Recht // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 1929. B. 8. S. 553–570); 9) Staat, Souveränität und Minorität / hrsg. v. C. Wessely. Riga-Berlin, 1927. 86 S.); 10) Общая теория права. Введение в изучение права. Рига, 1930. 382 с.; 11) Die russische Rechtsphilosophie // *Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*. 1933. Vol. 26. N 3. S. 289–358; 12) Russia and the western world: the place of the Soviet Union in the comity of nations. New York, 1945. 275 p.; 13) Russian sociology // *Twentieth century sociology* / ed. by G. Gurvitch, W. E. Moore. New York, 1945. P. 671–702; 14) The work of Leon Petrazhitskii. Inquiry into psychological aspects of the nature of law // *Columbia Law Review*. 1951. Vol. 51. N 1. P. 59–82; и др.

³ В частности, в качестве приглашенного профессора Гейдельбергского университета М. Я. Лазерсон прочитал цикл лекций «Die russische Rechtsphilosophie», которые впоследствии были опубликованы отдельной брошюрой с предисловием Г. Радбруха (*Die Russische Rechtsphilosophie von Max Laserson mit einem Vorwort von G. Radbruch*. Berlin; Grunewald, 1933. VI, 71 S.). По свидетельству самого Лазерсона, Р. Паунд — по его мнению, «один из немногих американцев, хорошо разбирающихся в философии права», — написал ему «очень лестное письмо» об этой книге (*Письмо М. Я. Лазерсона П. А. Сорокину от 15 сентября 1936 г.* // Сорокин П. Избранная переписка. С. 50).

государственным правом. И это оказалось томлением и суетой, и макулатурой.

Вот мой терновый путь конституционалиста в трех словах. От этого мелькания в глазах «племен, пародий, состояний» хочется вернуться к чистой — по возможности идеологически беспредпосылочной — общественной науке. А таковой являются чистая теория права (позитивистская, бытийственная, а не Kelsen'овского типа) и социология».⁴

П. А. Сорокин сыграл значительную роль в последующей академической карьере М. Я. Лазерсона в США, однако места в университете он предложить не смог, ссылаясь как на сокращения бюджетов университетов, так и на то, что его влияние ограничено социологическим научным сообществом, к которому М. Я. Лазерсон не принадлежит. В ответ на это М. Я. Лазерсон в письме от 25 ноября 1937 г. пишет:

«Продолжаю все время усиленно социологизироваться, такова судьба многих юристов-ученых, переживших, как я, например, гибель нескольких “правовых порядков” и познавших на своей спине всю нищету и суету нормативизма, догматизма, всякого рода иного нормопоклонства. Считаю только, что социологическая юриспруденция (или вернее юридическая социология) должна сама взяться на основании точно выработанных принципов за строительство общества. [...] По сравнению с этими заданиями академическая юридическая наука — это коллежское регистраторство».⁵

В письме от 3 февраля 1939 г. П. А. Сорокин сообщает М. Я. Лазерсону о затруднениях, связанных с массовой эмиграцией европейских ученых в США, и обещает оказать ему содействие:

«Что касается возможности найти какое-нибудь место здесь, то имейте в виду, что только теперь не менее чем от двенадцати до восемнадцати тысяч ученых из Центральной Европы осадили американские институты. В течение следующих двух или трех лет несколько сотен из них будут поглощены, но, кажется, этому есть предел. Однако в настоящий момент планы рассмотрения массовой помощи этим ученым из Центральной Европы идут полным ходом. Получится ли из этого что-нибудь реальное или нет, еще неизвестно, но если бы получилось, то я предложу, чтобы... Вы... вошли в список этих ученых-беженцев».⁶

Начало Второй мировой войны застает М. Я. Лазерсона в Париже, где он собирался 17–18 сентября принять участие в Международном конгрессе по философии права с докладом на тему «О договоре с точки зрения публичного права». Затем он планировал в качестве приглашенного профессора прочитать лекции в Лондонской школе экономики и политической науки. Находясь в Лондоне, он принимает решение не возвращаться в Палестину и эмигрировать в США, несмотря на отсутствие приглашения на работу в какой-либо из университетов, а также трудности, возникшие тогда с посадкой на пароход из Англии. М. Я. Лазерсон обращается

⁴ Письмо М. Я. Лазерсона П. А. Сорокину от 27 июля 1936 г. // Сорокин П. Избранная переписка. С. 46.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 54.

к П. А. Сорокину с просьбой оказать ему содействие в их разрешении. В итоге М. Я. Лазерсону удалось добраться до США благодаря этой записке П. А. Сорокина:

«Тем, кого это касается. Доктор Макс М. Лазерсон планирует приехать в Соединенные Штаты для продолжения его исследовательской работы, а также для ряда конференций и лекций. Я могу свидетельствовать, что он — видный ученый в области юридических и общественных наук. Я был бы благодарен за любую помощь, предоставленную ему, которая поможет ему достичь своих целей».⁷

В начале 1940 г. М. Я. Лазерсону поступило приглашение от Колумбийского университета прочитать несколько лекций, темы которых он обозначает в письме П. А. Сорокину: 1) «Политические и международные отношения балтийских государств»; 2) «Проблемы национальных меньшинств»; 3) «Общая теория демократий и диктатур» и несколько лекций по теории права.⁸ Однако постоянного места в университете М. Я. Лазерсон не получил. В письме от 17 апреля 1944 г. он сообщает П. А. Сорокину:

«Решено, что я буду *visiting lecturer Columbia University* по предмету: *moral and political philosophy*. На старости лет: из архиепископов в пономари. Да еще и это надо рассматривать как некое достижение. Но не будем жаловаться. Писать можно, а это главное».⁹

В отличие от некоторых других учеников Петражицкого, пробовавших свои силы в различных методологических направлениях, Лазерсон последовательно придерживался в своих работах позиции психологического реализма. Пожалуй, наиболее оригинальной его идеей (в сравнении с теорией права Петражицкого) являлась развитая им реалистическая концепция естественного права. Кроме того, его работы представляют интерес с той точки зрения, что они позволяют в определенной степени реконструировать отношение психологической теории права к новым направлениям в теоретической юриспруденции (чистому учению о праве Кельзена, феноменологии и др.).

II. Предмет и метод теории права с позиции психологического реализма. Лазерсон обозначает свою теоретическую позицию как *психологический реализм*, или *психологический позитивизм*, и это, по его убеждению, единственно возможный — и даже «неизбежный» — путь развития теории права.

Прежде всего он считает необходимым провести строгую разграничительную линию между теорией права и философией права — отсутствие такого разграничения, по его мнению, подавляло развитие теории права

⁷ Там же. С. 308. — Впоследствии П. А. Сорокин аналогичным образом ходатайствовал о продлении М. Я. Лазерсону визы: «Тем, кого это касается. Доктор Макс Лазерсон, выдающийся ученый в области общественных наук, не закончил свои исследования и лекции в этой стране и нуждается в продлении срока своего пребывания в этой стране. Я был бы благодарен, если бы ему предоставили продление срока настолько, насколько ему потребуется для завершения его лекций и исследований. Я могу заверить Вас, что не вижу вреда от такого продления, и я знаю также, что этим не злоупотребил бы и Лазерсон» (Там же. С. 57).

⁸ Письмо М. Я. Лазерсона П. А. Сорокину от 29 января 1940 г. // Сорокин П. Избранная переписка. С. 56.

⁹ Там же. С. 60. — Заметим, что публикациям М. Я. Лазерсона в США опять-таки во многом способствовал П. А. Сорокин, как это следует из переписки ученых.

как самостоятельной науки. Вследствие длительного тесного контакта общей философии и так называемой философии права последняя превратилась в филиал общей философии; соответственно, изменчивость и разнообразие тех или иных философских школ находит свое стереотипное отражение в философии права. Как полагает Лазерсон, это обусловило маргинальное положение теории права: юристы, образованные философски, посвящают силы стилизации своих трудов в духе модного философского учения и остаются в рамках соответствующей философии права, юристы-догматики не интересуются вопросами философии, поскольку считают их не имеющими значения для практических дисциплин. Таким образом, теория права и ее адепты «повисают в воздухе» между философами права и поклонниками догматической юриспруденции, — такова, делает вывод Лазерсон, трагическая судьба теории права.¹⁰

За проведением демаркационной линии между теорией права и философией права фактически скрывается убеждение Лазерсона в избыточности последней. В качестве аргумента он ссылается на формулу Петражицкого: философия права = теория права + политика права. Очевидно, что объективно-когнитивные тезисы теории права и субъективно-относительные тезисы (телемы) политики права не могут путем их сложения образовать самостоятельную научную дисциплину, а само такое сложение противоречит разделявшемуся Лазерсоном тезису Петражицкого о недопустимости смешения в пределах одной науки теоретических и практических суждений.

Научно бесперспективной он считает и ту модель «развития» теории права, которую в свое время Петражицкий обозначил как «комбинационную» и примером которой для Лазерсона была так называемая синтетическая теория права А. С. Яценко. Лазерсон полагал, что в своем «стремлении складывать отдельные воззрения (курсив мой. — Е. Т.)» Яценко исходит из ошибочного представления о том, что «истина будет добыта из соединения различных точек зрения, что, по мнению автора, и составляет сущность синтеза (курсив мой. — Е. Т.)». Лазерсон, в частности, пишет: «Исходя из покорно-пассивного признания, что все теории кое в чем правы, автор невольно приходит к бессильной идее их сложения... хотя он при этом и пытается оградить себя от эклектизма (курсив мой. — Е. Т.)».¹¹ Однако, как подчеркивает ученый, синтез в его логическом и философском значении вовсе не представляет собой «сложения различных взглядов и определений», поэтому и излюбленное автором «соединение всех односторонних определений», пишет Лазерсон, является не синтезом, а эклектизмом.¹² На этом основании он характеризует «синтетическое» определение права А. С. Яценко исключительно как «результат механического суммирования».¹³

Лазерсон считал необходимым спроектировать теорию права как «беспредпосылочную науку», которая исследовала бы свой предмет не для иллюстрации правильности представлений той или иной философской

¹⁰ Лазерсон М. Общая теория права. С. 69–70.

¹¹ Лазерсон М. [Рец. на кн.:] А. Яценко. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912 // Право. Еженедельная юридическая газета. 1913. № 2. Стб. 114.

¹² Там же. Стб. 115.

¹³ Там же. Стб. 116. — Подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012. С. 88–141.

школы: она должна стать, наконец, «имманентной в подлинном смысле», а не быть выстроенной в духе того или иного течения. Единственный путь, позволяющий сконструировать теорию права так, чтобы она перестала быть «конгломератом некоторых предпосылок, лежащих... вне и впереди всякого опыта и причинного исследования и определяющихся... сменой религий, идеологий, философских и социально-политических школ», — это путь, предлагаемый психологическим позитивизмом. Только объяснение права как психического переживания способно избавить теорию права от зависимости от исторически меняющихся априорных предпосылок, задаваемых различными философскими направлениями, а также исключить ссылки на какие-либо метаюридические факты — волю государства, экономический базис и т. п. — как на правопорождающие факторы. Традиционное для юридического позитивизма отрицание естественного права и ограничение предмета изучения исключительно позитивным правом, располагающим санкцией официального признания, по мнению Лазерсона, еще ничего не говорит о «позитивности теории права». Отсюда следует *первый* смысл термина «психологический позитивизм» — это «*позитивация* теории права» как науки о психическом *бытии* права.¹⁴

Во-вторых, психологический позитивизм характеризуется использованием экспликативного метода — «метода причинного исследования».¹⁵

Следуя Петражицкому, Лазерсон проводит различие между теоретическими и практическими юридическими науками.¹⁶ Логическим основанием данного деления согласно Петражицкому являются так называемые *позиции*, которые он определял как «соответствующие простые, далее неразложимые смыслы, т. е. содержание суждений или предложений».¹⁷ В структуре научной теории он выделял три вида позиций: 1) главные, т. е. *тезисы*; 2) *базисы*, служащие для обоснования тезисов; 3) *аксессуары* (примеры, иллюстрации и т. п.). Петражицкий уточняет, что критерием классификации наук являются именно тезисы. Он подразделяет их на *объективно-когнитивные* — ценностно нейтральные, констатирующие утверждения, по отношению к которым может применяться критерий истинности, и *субъективно-относительные*, выражающие оценки, пожелания, требования и т. п., к которым критерий истинности неприменим. Соответственно он проводит деление наук на *теоретические*, тезисы которых имеют объективно-когнитивный характер, и *субъективно-относительные (практические)* и формулирует методологическое правило: базисами теоретических наук должны быть объективно-когнитивные позиции, базисами практических наук могут быть как объективно-когнитивные, так и субъективно-относительные позиции. При этом в пределах одной науки не должно быть смешения тезисов, столь характерного для социально-гуманитарных наук. Исходя из этого можно реконструировать определение Петражицким теоретического и практического знания: *теория* — это методологически

¹⁴ Там же. С. 60–62.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ О том, что проведенное Петражицким различие между объективно-когнитивными науками и субъективно-относительными нарушает его собственный принцип, согласно которому в каждом делении должно быть только одно *fundamentum divisionis*, см.: Фиттипальди Э. Наука на службе у принципа законности: критическая защита концепции юридической догматики Льва Петражицкого // Правоведение. 2013. № 5.

¹⁷ Петражицкий Л. И. Новые основания логики и классификация наук // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 782.

обоснованная система подлежащих истинностной оценке объективно-когнитивных тезисов, субъектом которых является адекватный класс; *практическая наука* — это выстроенная в соответствии с принципом адекватности система не подлежащих истинностной оценке субъективно-относительных тезисов, базисы которых могут иметь как объективно-когнитивный, так и субъективно-относительный характер. В данном определении подчеркивается связь теоретических и практических наук, при этом теоретическая обоснованность практического знания может рассматриваться как одно из условий его научной состоятельности.

Лазерсон также исходит из того, что тезисы теоретических наук, и в частности теории права, являются суждениями о бытии и могут быть истинными либо ложными; тезисы практических наук, например, юридической догматики, указывают желательное или должное поведение и как таковые не подлежат истинностной оценке. Так, если обычно-правовые нормы крестьян гласят, что «конокрада следует убить», то перед нами нормативное суждение, которое нельзя отвергнуть как неистинное. Оно может быть отвергнуто исключительно оценочно, — например, как «варварское» или «устаревшее».¹⁸ Теория права и юридическая догматика представляют собой соответственно теоретическую и практическую юридические науки, различающиеся предметом и методом. Первая есть наука о психическом *бытии* права и характеризуется использованием экспликативного метода, вторая есть наука, изучающая позитивное право как систему нормативных суждений при помощи так называемого нормативного метода.¹⁹

Данная методологическая позиция Лазерсона определяет основные направления критики им чистого учения о праве Кельзена (подробнее об этом см. п. III). Он считает губительным для теории права осуществленное Кельзеном изъятие теории права из числа экспликативных наук, исследующих «бывание и причинную связь явлений», и приписывание данной науке нормативного характера. На этом основании он отказывается от нормативизму в *теоретическом* характере. Превращение метода, допустимого в пределах одного подвиды науки права — юридической догматики, в универсальный метод юриспруденции Лазерсон характеризует как *методологический монизм*. В классификации юридических наук Петражицкого он видит то несомненное преимущество, что она предлагает чистое различие между теоретическими и практическими дисциплинами, их предметами, тезисами и методами.²⁰

Вместе с тем следует подчеркнуть одно существенное различие в позициях Петражицкого и Лазерсона. Петражицкий формулирует следующее методологическое правило: для построения теории недостаточно констатировать какое-либо фактическое бытие — необходимо установить наличие необходимой *логической* или *причинной связи* между специфическим признаком (*differentia specifica*) какого-либо класса объектов (теоретического подлежащего) и чем-либо другим (тем, что относительно этого класса высказывается теоретическим сказуемым).²¹ Лазерсон

¹⁸ Лазерсон М. Общая теория права. С. 66.

¹⁹ Следует отметить, что Петражицкий допускал и догматику интуитивного права.

²⁰ Лазерсон М. Общая теория права. С. 64–65.

²¹ Петражицкий поясняет данное методологическое правило с помощью следующего рассуждения. Если установлено, что между каким-либо признаком *a* какого-либо класса *A* и чем-либо другим *b* существует *необходимая логическая связь*, так что из предположения наличия *a* вытекает неизбежно наличие *b*, то тем самым доказано, что все мыслимые *A* связаны с *b*. Точно так же, если установлено, что между каким-либо

ограничивает метод построения теории исключительно установлением *причинных связей*, однако причины такого ограничения он не поясняет.

Наконец, *в-третьих*, психологический позитивизм устраняет оценочные и нормативные суждения при определении сущности права. Для этого позитивизма не существует ограничения какой-либо эпохой, с отвержением несправедливого права, как нет ограничения только положительным правом. «Несправедливое право есть право», — утверждает Лазерсон.²² Оценки не существует при *позитивном* изучении явлений, а такое устранение затуманивающих оценок возможно при обращении к тому, что остается единственной непосредственно доступной исследованию данностью, — к психике человека.

III. Реалистическая критика нормативизма. В работах Петражицкого можно встретить лишь несколько критических упоминаний о «Кельзене и его школе».²³ Работы Лазерсона представляют интерес в том числе в связи с тем, что позволяют реконструировать отношение к чистому учению о праве с позиций психологического реализма.

Согласно определению Лазерсона нормативизм представляет собой научное направление, которое «не считает возможным искать право в области реального бытия». Вследствие этого, полагает он, «отдельные нормы теряют реальные корни своего причинного бытия и начинают рисоваться вне или над реальным миром вещей». По аналогии с понятием товарного фетишизма [*Warenfetisch*] из политической экономии Маркса Лазерсон обозначает данную позицию как «*правовой фетишизм*». Подобно тому как товарный фетишист приписывает товару наряду с его материальными свойствами еще и ценность, юридический фетишист приписывает норме права — как таковой — «необходимое свойство долженствования», обязательность, силу.²⁴ Нормативизм в интерпретации Лазерсона есть проявление свойственного обыденному мышлению гипостазирования (обожествления) норм.²⁵ Соответственно разоблачение правового фетишизма рассматривается им как одно из необходимых условий развития теории права.²⁶

Лазерсон относит нормативизм, наряду с так называемым им догматическим позитивизмом и историческим материализмом, к *наивно-реалистическим* концепциям²⁷ на том основании, что каждый из этих подходов

свойством известного класса и чем-либо другим существует *необходимая причинная связь*, т. е. свойству *a* класса *A* присуща причинная тенденция *b*, то тем самым доказано, что всем мыслимым *A* свойственна (должна быть мысленно приписана) тенденция *b* (Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 461).

²² Лазерсон М. Общая теория права. С. 64.

²³ Петражицкий Л. И. Новые основания логики и классификация наук. С. 811, 848.

²⁴ Лазерсон считает данное понятие аналогичным понятию «проекция» Петражицкого, который полагал, что свойственная теории права наивно-проекционная точка зрения является выражением тенденции к натурализации, овеществлению психической реальности, что провоцирует исследователей искать «где-то в пространстве» стоящие за терминами универсальные сущности — права, обязанности, правовые нормы и т. п.

²⁵ Лазерсон М. Общая теория права. С. 53.

²⁶ Там же. С. 22–23.

²⁷ Данный термин Петражицкого обозначает одну из трех возможных «наивно-фантастических конструкций» в теории права. Наряду с *наивно-реалистическими* он также выделяет *наивно-нигилистические* концепции, состоящие в отрицании реальности какого-либо правового явления из-за невозможности обнаружить его в «пространстве» внешнего мира (например, фикционная теория юридического лица), и *наивно-*

отождествляет психическое бытие права с реальностью иного порядка: право рассматривается как нечто, воздействующее на человека *извне*, а человек предстает исключительно объектом внешнего воздействия.²⁸ По его мнению, до тех пор пока такая гетерономность не раскрыта экспликативно, научная ценность соответствующих утверждений немногим выше, чем учение о божественном происхождении права. Один из методологических пороков нормативизма заключается, с его точки зрения, в том, что свойственная прежде всего обыденному сознанию наивно-проекционная точка зрения, — побуждающая рассматривать нормы как существующие вне времени и пространства сущности, наделенные обязывающей силой, — превращается в методологию теоретико-правового исследования.²⁹

Однако главный критический аргумент, адресуемый Лазерсоном чистому учению о праве, — это «методологическое смешение» теории права и юридической догматики. Вследствие такого смешения метод догматической юриспруденции предстает у Кельзена в качестве «метода познания сущности права».³⁰ Превращение нормативного метода в единственный метод науки права, с точки зрения Лазерсона, не дает никаких методологических преимуществ: осуществляемый при помощи нормативного метода анализ позитивного права вполне укладывается в рамки традиционной логико-юридической работы с использованием выработанных юридической догматикой правил толкования, а следовательно, не нуждается в какой-либо дополнительной неокантианской квалификации.³¹

Наконец, Лазерсон подчеркивает, что Петражицкий с помощью двух критических аргументов — аргумента о тавтологии в определении понятия права как авторитетно установленных норм³² и аргумента о бесконечном регрессе санкций при предположении, что каждая правовая норма должна

конструктивистские, заключающиеся в искусственном конструировании, выдумывании феноменов правовой реальности «за отсутствием подлежащего реальному» (различные метафизические правовые теории — например, «общей воли» как фундаментального источника права) (см. об этом: *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. С. 399–400).

²⁸ Право, подчеркивает Лазерсон, используя фразу Мефистофеля из гетевского «Фауста», никогда не считалось «рожденным с нами» [*Vom Rechte, das mit uns geboren ist*], т. е. никогда не понималось как внутреннее, психологическое переживание человека. От этого упрека, по его мнению, не свободны и те многочисленные приверженцы естественного права, которые говорили о «прирожденных» правах человека, ибо и здесь речь идет только о реалистической терминологии (Лазерсон М. Экспериментально-психологический метод и юридический модернизм // Вестник права и нотариата. 1913. № 29. С. 870).

²⁹ Лазерсон М. Общая теория права. С. 53–55.

³⁰ Там же. С. 24.

³¹ Там же. С. 27. — Аналогичную оценку методу Г. Кельзена дает другой ученик Петражицкого Е. Ланде, полагая, что это не более, чем *претенциозная терминология* [*pretensjonalna terminologia*] (Lande J. Norma a zjawisko prawne. Rozważania nad podstawami teorii prawa na tle krytyki systemu Kelsena // Prace z dziedziny teorii prawa / red. W. Jaworski. Cracow, 1925. S. 323).

³² Петражицкий указывает на присутствующий в данном определении *definitio per idem*: «норма права (x) есть норма, установленная в предписанной правом (x) форме со стороны установленных правом (x) органов правового (x) союза — государства» (Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 283–284). С отказом от идеи персонализированного суверена в качестве власти, фундирующей правопорядок, классическое позитивистское определение понятия права необходимо приобретало тавтологический характер. Инструментом преодоления данного логического круга, как известно, и стала «основная норма».

быть ею обеспечена,³³ — «предсказал» обязательный, единственный возможный ход мысли для последовательно догматической «теории» права — постулирование основной нормы [*Grundnorm*] в качестве основания нормативного правопорядка.³⁴

По его мнению, чистое учение о праве дает «интересную, но стилизованную картину [права] в одном нормативном измерении».³⁵ В кельзеновском нормативизме Лазерсон видит «исторический плод юриспруденции XIX века, знавшей только положительное право и его догму, упорно не желавшей видеть право как реальное явление и переносившей... вопреки общему нарастанию эмпиризма в науке — реальные юридические

³³ Приведем этот аргумент Петражицкого: «С точки зрения теории принуждения нормой права (x) является лишь такая норма, на случай отсутствия добровольного исполнения которой другая норма права (x_1) предусматривает применение принудительных мер, например, предписывает известным лицам (судебному приставу, полицейским служителям...) применить принудительное исполнение. Но эта норма (x_1), в свою очередь, лишь в том случае может быть по теории принуждения правовой нормой, если существует дальнейшая норма (x_2), которая на случай отсутствия добровольного исполнения этой нормы (x_1) предусматривает, в свою очередь, принудительные меры (например, на случай нежелания судебного пристава, чинов полиции и т. п. добровольно исполнить свою обязанность предписывает известным лицам принять принудительные меры против этих ослушников). Норма x_2 точно так же должна иметь дальнейшую санкцию соответственного содержания — x_3 , за нормой x_3 должна следовать санкция x_4 и т. д. — до бесконечности». Соответственно он делает вывод о том, что «доказать, что какая-либо норма соответствует такому определению и поэтому должна быть признана нормой права, невозможно, ибо это требовало бы бесконечного доказательства, а всякий конец доказательства... за отсутствием дальнейшей санкции был бы вместе с тем доказательством, что все предыдущие нормы не суть нормы права (например, если бы дошли до нормы x_{20} , но такой нормы (x_{21}), которая на случай нарушения нормы x_{20} предусматривала бы принудительные меры, не оказалось, то оказалось бы, что норма x_{20} как «непринудительная» норма права есть неправовая норма, поэтому и норма x_{19} , как лишенная правовой санкции — санкции в виде нормы права, предписывающей принуждение, — оказалась бы неправовой нормой и т. д.)» (Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 288–289).

³⁴ Лазерсон М. Общая теория права. С. 26. — К аргументу Петражицкого о бесконечном регрессе санкций впоследствии обращались Г. Кельзен (*Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge: Harvard University Press, 1949. P. 28–29*), К. Оливекрона (*Olivecrona K. Is a Sociological Explanation of Law Possible // Theoria. A Swedish Journal of Philosophy and Psychology. 1948. Vol. 14. P. 200 и сл.; рус. пер. см.: Российский ежегодник теории права. № 4. 2011 / под ред. А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 399–429*), а также Г. Харт в рамках полемики с Россом в связи с проблемой самореференции в праве (*Hart H. L. A. Self-Referring Laws // Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 171–173; рус. пер. см.: Правоведение. 2012. № 3. С. 44–57*). Кельзен в параграфе с названием «Бесконечная серия санкций» соглашается с данным аргументом. Вместе с тем он предлагает решение обозначенной Петражицким проблемы: полагая, что серия устанавливающих санкции правовых норм не может продолжаться бесконечно, Кельзен замыкает серию санкций последней нормой, санкция которой устанавливает для уполномоченного субъекта правовую обязанность применения принуждения, т. е. за неприменение данной санкции далее уже не следует санкция. При этом невозможность обеспечить действительность всех правил правового порядка при помощи правил, устанавливающих санкции, не исключает возможность рассматривать в качестве правовых только те нормы, которые устанавливают санкции (критику решения Кельзена см.: Тимошина Е. В. Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Правоведение. 2011. № 5. С. 46–71; Краевский А. А., Тимошина Е. В. Проблема самореференции в праве: к истории дискуссии // Там же. 2012. № 3. С. 35–43).

³⁵ Там же. С. 29.

феномены в мир конструктивных ноуменов».³⁶ Современная теория права, по его убеждению, должна строиться как последовательно реалистическая. От поиска новых способов логического анализа позитивного права следует обратиться к внутреннему психическому переживанию нормы и таким образом исследовать, как возможно существование должного.

IV. Психологическая теория права и феноменология. С позиций психологического позитивизма Лазерсон также адресует несколько критических замечаний феноменологическим правовым концепциям, обозначая их как «феноменологический вариант нормативизма». С его точки зрения они отвергают две основы, на которых, как он полагает, зиждется психологическое учение о праве: 1) психику как сферу нахождения права и — соответственно — психологию; 2) аристотелевскую логику. Таким образом, он фиксирует два фундаментальных отличия феноменологической теории права от психологической: антипсихологизм и отказ от пирамидальной системы традиционной логики, т. е. от метода определения понятий *per genus et differentiam*. Лазерсон приходит к выводу о том, что феноменологическая школа в юриспруденции просто превращает *definitio per idem* в логическую необходимость.³⁷

Предпринятый Лазерсоном краткий критический обзор феноменологических правовых концепций вместе с тем дает повод обсудить проблему более широко, поставив вопрос о возможной связи психологической теории права с феноменологией.

Для теории права Петражицкого была характерна своеобразная многозначность методологических оснований. Это, во-первых, обусловило возможность ее последующего развития не только в реалистическом (Е. Ланде, А. Подгурецкий, Я. Курщевский, Н. С. Тимашев), но и в феноменологическом (Г. Д. Гурвич, П. Е. Михайлов, Г. А. Нанейшвили) направлении; во-вторых, создало исследовательскую традицию феноменологической интерпретации его теории. Феноменологические мотивы усматривали, как правило, в его концепции самодовлеющей (нормативной) мотивации. Как полагал, например, Гурвич, именно метод чистого описания непосредственных данных правосознания, который, по его мнению, приближался к методу современных немецких феноменологов, позволил Петражицкому прийти к проницательному открытию императивно-атрибутивной структуры правового переживания.³⁸

Попытку объединения, с одной стороны, психологического реализма, с другой стороны, аналитической феноменологии Гуссерля периода «Логических исследований» предпринимает ученик Петражицкого П. Е. Михайлов. Ученый полагал, что право может рассматриваться двояко: 1) как

³⁶ Лазерсон М. [Рец. на кн.:] Kelsen H. Grenzen zwischen juristischer und soziologischer Methode. Tübingen, 1911 // Право: еженедельная юридическая газета. 1914. № 17. Стб. 2161.

³⁷ Лазерсон М. Общая теория права. С. 56–57.

³⁸ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 345. — Гурвич полагал, что концепция самодовлеющей мотивации близка теории эмоциональной интуиции ценностей М. Шелера (Там же. С. 345). Ученик Петражицкого Г. А. Нанейшвили считал, что, если освободить теорию Петражицкого от всего того, что несовместимо с основной мыслью этой теории, т. е. с эмоциональным априоризмом, то мы «имели бы весьма элегантную феноменологическую теорию права» (Нанейшвили Г. А. Действительность права и опыт обоснования нормативных фактов. Тбилиси, 1987. С. 68).

реально-психическое переживание и 2) как *идеально-нормативный элемент сознания*. Данный «элемент» представлен нормами права, которые имеют, с точки зрения Михайлова, «идеально-объективное содержание» и которые, наряду с математическими величинами, принадлежат области идеально-объективного бытия. При этом он подчеркивает, что не следует смешивать нормы права как *содержания* правовых суждений с самими суждениями как известными *процессами мышления*, известными психическими переживаниями. Соответственно Михайлов пытается объединить «субъективизм реально-психологического элемента правового сознания» и «объективизм идеально-нормативного элемента сознания»: «Праву как реально-психическому переживанию и процессу, — пишет он, — соответствует норма права как идеологическая величина, содержащая в себе *объективную идею правно-должного* как такового». Таким образом, делает он вывод, наряду с пониманием права как реального феномена психической деятельности с ее законами причинных связей необходимо также понимание права «как нормы правно-этического долженствования, как идеально-объективного элемента правосознания с зависимостью от идеальных связей основания и следствия, но отнюдь не реальных причинных связей сосуществования и последовательности».³⁹

Нами была высказана гипотеза о возможном влиянии на методологию психологической теории права «Логических исследований» Гуссерля. Это позволило выделить несколько аспектов сходства эпистемологических идей Петражицкого как в целом с аналитико-феноменологической традицией, представленной именами Г. Фреге, Ф. Brentano, А. Мейнонга, так и в особенности с аналитической феноменологией Гуссерля, как она была представлена в «Логических исследованиях».

1. Это общее представление о том, что предметом познания является не внешний мир, но внутренний опыт субъекта, интерпретируемый психологически (Brentano, Петражицкий) или феноменологически (Гуссерль).

2. И Гуссерль, и Петражицкий в качестве необходимого условия теоретического знания допускали ментальное существование общих объектов (классов) и соответствующих им общих понятий.

3. Общее понятие Петражицкого как «идея всего того, что мыслимо как обладающее известными признаками» («всякая идея, соответствующая схеме “все, что обладает признаком *a*”»), и класс как *мыслимый объект*, соответствующий такой идее («все объекты, обладающие свойством *a*»),⁴⁰ могут быть сопоставлены с концепцией интенциональных объектов и общих понятий Гуссерля.⁴¹

4. И Фреге, и Гуссерль, и Петражицкий исходили из того, что объем общего понятия не зависит от эмпирического существования некоторого конечного множества объектов, мыслимых при помощи данного понятия, т. е. является бесконечным, а соответствующий ему класс (в терминологии

³⁹ Михайлов П. Е. О реальности права // Юридический вестник. 1914. Кн. 1. С. 41–42.

⁴⁰ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 428.

⁴¹ Косвенным аргументом, подтверждающим концептуальную «родственность» анализируемых идей обоих ученых, является тот факт, что представитель Львовско-Варшавской школы Ст. Лесьневский с точки зрения разделяемой им номиналистической позиции критически отзывался о концепциях общих объектов Петражицкого и Гуссерля, подчеркнув при этом, что данные концепции «отличаются тем свойством, что приводят даже в высшей степени тонких мыслителей на “проселочные дороги” беспредметных “спекуляций”» (Лесьневский С. Логические рассуждения. СПб., 1913. С. 29).

Гуссерля — общий предмет, *allgemeiner Gegenstand*) есть мыслимый объект, отличный от эмпирической совокупности членов класса.

5. С концепцией интенциональных объектов Ф. Brentano — А. Мейнонга — Э. Гуссерля как объектов, представленных в сознании и освобожденных от вопроса об их корреляции с эмпирически существующими объектами, имеет параллели то принципиальное положение психологической теории права, что понятием правовой теории, будь то субъект права или объект права, субъективное право или правовая обязанность, не следует искать эмпирических двойников «где-то в пространстве». Данные понятия и соответствующие им мыслимые объекты существуют исключительно как элементы интеллектуального состава правовых эмоций, т. е. в сознании субъектов, переживающих соответствующие эмоции. Эпистемологическая позиция, исключавшая возможность и необходимость соотнесения интенциональных (мыслимых) объектов с какой-либо трансцендентной по отношению к сознанию человека, неязыковой и нементальной реальностью, тем самым проблематизировала классическую корреспондентную теорию истины как соответствия мысли некоторому эмпирическому положению дел.

6. Сопоставляя далее идеи Гуссерля и Петражицкого, следует также отметить, что оба ученых исходили из идеи логического единства научного знания, которая исключала, как писал Гуссерль, произвольность деления «царства истины» [*Reich der Wahrheit*] на предметные области⁴² и обуславливала для Петражицкого необходимость реформирования существующей системы наук в соответствии с принципом адекватности.

7. Оба ученых разделяли представление о принципиальной несоизмеримости теоретического и эмпирического знания, а следовательно, о логической невозможности выведения теории из знания о совокупностях единичных фактов, что сопровождалось критикой обоими учеными эмпирической теории абстрагирования.⁴³

8. Оба мыслителя исходили из позиции, согласно которой, в определении Э. Гуссерля, «признаки, внутренние свойства не есть нечто в истинном смысле присущее предметам, которые “имеют” эти свойства». То, что полагается в предмете «как нечто в нем наличное, на самом деле совершенно не присутствует в нем».⁴⁴ Данную позицию выражает также Л. И. Петражицкий в следующем примере: «...если кто-либо приписывает другому эпитеты “милый”, “дорогой” и т. п., то было бы наивно думать, что дело идет о каких-то особых свойствах того, кому такие свойства приписываются. Как бы мы ни стали внимательно исследовать того, кому эти свойства приписываются, осматривать его с ног до головы и т. п., чтобы найти что-то такое, что соответствует эпитету “милый”, поиски наши будут безуспешными, и мысль слова “милый” останется для нас тайной».⁴⁵ Смысл данного слова можно понять, как полагает Л. И. Петражицкий, только обратившись к «реальному» явлению, которое оно обозначает, — к изучению психического переживания тех, кто называет других «милыми», «дорогими»

⁴² Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. Пролегомены к чистой логике / разрешенный перевод с нем. Э. А. Бернштейн; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. СПб., 1909. С. 3–4.

⁴³ Иные признаки сходства и соответствующую аргументацию см.: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012. С. 177–203.

⁴⁴ Там же. С. 182.

⁴⁵ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 398.

и т. п. Только таким образом может быть установлен и смысл, например, выражения «возложенная на *N* правовая обязанность».

Из представленных сопоставлений, разумеется, не следует вывод о феноменологическом характере теории права Петражицкого — хотя бы потому, что понятийный аппарат феноменологии и сам метод в «Логических исследованиях» еще не был разработан. Вместе с тем из данного сопоставления можно извлечь, по крайней мере, два вывода. *Во-первых*, разделяемая Лазерсоном традиционная оценка теории Петражицкого как последовательного психологического позитивизма может быть поколеблена.⁴⁶ *Во-вторых*, оценка методологических оснований психологической теории права часто зависит от теоретической ориентации ее интерпретатора, который в известной степени редуцирует эту теорию до собственной методологической позиции — в данном случае до психологического позитивизма.

У. Право без норм? Если теория права Петражицкого отличается от другой наиболее последовательной психологической теории права Э. Паттаро тем, что понятие нормы в ней вторично,⁴⁷ то у Лазерсона норма права не вторична — она избыточна: «Мы можем... мыслить право без существования правовых норм», — утверждает он.⁴⁸

Лазерсон полагает, что время появления норм не совпадает со временем появления права. Первоначально правовые притязания получали удовлетворение и без существования норм, — например, путем судебного решения. Только долгая эволюция права под определяющим влиянием унификационной тенденции мешает нам снять исторические наслоения и увидеть право в его «безнорменном состоянии». В подтверждение тезиса

⁴⁶ Лазерсон М. Общая теория права. С. 65.

⁴⁷ *Fittipaldi E. Leon Petrażycki's theory of law.* § 5 (рукопись главы в коллективной монографии о континентальном правовом реализме под ред. Э. Паттаро). — Здесь следует отметить близость теоретических позиций Л. Петражицкого и Э. Паттаро (*Pattaro E. The Law and the Right: A Reappraisal of the Reality that Ought to Be.* Dordrecht, 2005). (1) Прежде всего она усматривается в их представлениях о ментальном бытии правовой нормы: в интерпретации Петражицкого норма права есть содержание нормативного суждения как эмоционального акта, диспозицию которого он называет *нормативным убеждением*; в теории Паттаро правовая норма — это содержание деонтического суждения, полагаемого нормативным по меньшей мере одним человеком, являющимся «приверженцем нормы», для которого характерно определенное психическое состояние, называемое ученым *нормативным верованием*. (2) Как и Петражицкий, Паттаро рассматривает правовую норму как «мощный мотив поведения». (3) Паттаро интерпретирует правовые нормы как правила, переживаемые в качестве «обязывающих самих по себе», и на этом основании отграничивает их от имеющей телеологическую направленность правил благоразумия, что соотносится с двумя видами выделяемой Петражицким мотивации — самодовлеющей (нормативной, специфически-правовой) и телеологической, мотивирующей к действиям для достижения известной цели. Таким образом, Петражицкий и Паттаро исходят из общего понятия нормативности как психически переживаемого самообязывания. (4) Паттаро использует понятие «тип действия» в значении, аналогичном понятию «акционные представления» Петражицкого как представлений типа должного поведения, сопровождающих нормативную мотивацию. (5) Близость их теоретических позиций также можно усмотреть в объяснении психологического механизма объективации и универсализации правовых норм, который Петражицкий связывал с «мистически-авторитетным» характером правовых эмоций, а Паттаро использует для этого понятие «католодоксия» (*catholodoxia*) — овеществление, гипостазирование нормативных верований, вследствие чего нормативная система представляется «объективно» существующей.

⁴⁸ Лазерсон М. Общая теория права. С. 129.

о том, что нормы права не являются необходимыми, Лазерсон в том числе ссылается на движение свободного права и советскую судебную практику с ее «революционным правосознанием» как основанием судебного решения.

Мотивационное действие права оказывается не через посредство норм, а в силу самого эмоционального переживания права, которое как таковое не нуждается в нормах. Нормы права не обладают реальностью; то же, что в науке называется нормами права, есть лишь *рационализация желательного для данного правопорядка поведения*. Фактически Лазерсон редуцирует интеллектуальный состав правовых эмоций до акционного представления: «повелевает не сама норма, как это наивно представляет себе примитивное понимание, а лишь тот *образ поведения*, который выработался в данной обстановке по данному кругу поступков (курсив мой. — Е. Т.)».⁴⁹

Вместе с тем теория права Петражицкого не дает оснований для столь радикального вывода Лазерсона. Согласно Петражицкому, норма права есть содержание нормативного суждения, интерпретируемого им в качестве эмоционального акта, т. е. в качестве эмоции, диспозицию которой он называет «нормативным убеждением». Специфической особенностью нормативных суждений, как и нормативных (в том числе правовых) эмоций, является то, что они, *во-первых*, отвергают или одобряют определенный тип поведения «не как средство для известной цели, а само по себе», *во-вторых*, мотивационно обуславливают поведение субъекта. Если учесть, что схема интеллектуального состава правовых эмоций совпадает с выделенными им самим элементами структуры правовой нормы, то можно сделать вывод о том, что под термином «правовая эмоция» скрывается понятие правовой нормы, — не как эмоциональной проекции, но как «реального» психического явления — актуального переживания ценности должного, мотивирующего к его реализации в поведении. Соответственно полная схема интеллектуального состава правовых эмоций, или, что то же самое, элементная структура правовой нормы, включает в себя: 1) объектные представления (объектов прав и обязанностей); 2) субъектные представления (субъектов прав и обязанностей); 3) представления релевантных юридических фактов; 4) представления нормативных фактов.

VI. Реалистическая интерпретация естественного права. Предложенная Лазерсоном реалистическая интерпретация естественного права, пожалуй, является наиболее оригинальной частью его правовых взглядов, так как в остальных аспектах он в целом принимает теорию права Петражицкого. На основе проведенного Петражицким деления права на позитивное и интуитивное⁵⁰ Лазерсон развивает свою концепцию *видов интуитивного права*. Его замысел — в соответствии с позицией психологического позитивизма — состоял в том, чтобы избавить понятие естественного права от связи с той или иной идеологией и рассмотреть его «*реально-психологически*» — как психическое переживание особого рода, сформировавшееся в результате эволюции правовой психики. Выдавать же одно из идеологических облачений (религиозных, рационалистических и т. п.) за существенный признак естественного права, в представлении

⁴⁹ Там же. С. 128–129.

⁵⁰ Если позитивное право — это *гетерономная* императивно-атрибутивная эмоция, вызываемая в психике субъекта нормативными фактами, то интуитивное право — это *автономная* императивно-атрибутивная эмоция, возникающая в психике субъекта без опосредования нормативными фактами.

Лазерсона, есть ошибка, обусловленная непониманием психологического характера естественного права.⁵¹

Как известно, Петражицкий отождествлял интуитивное право со справедливостью. В эмоциях справедливости, пишет он, «мы имеем дело с суждениями не о том, что полагается по законам и т. п., а о том, что кому по “совести”, по нашим самостоятельным, независимым от внешних авторитетов убеждениям причитается, должно быть предоставлено и т. д.».⁵² Сферой действия справедливости является *distributio bonorum et malorum*, т. е. «область распределения благ и зол», в которой интуитивное право сосуществует наряду с позитивным. Переживания справедливости оказывают влияние на толкование, применение и научное осмысление позитивного права, а также являются фактором (мирно или революционно действующим) его создания, изменения или отмены. Очевидно, Петражицкий воспроизводит в другой терминологии старую дихотомию естественного и позитивного права, хотя сам он и возражал против такой трактовки своей концепции интуитивного права как своеобразного естественного права с изменяющимся содержанием. Вместе с тем он подчеркивает, что интуитивное право следует признать «более подходящим *масштабом для критики положительного права* (курсив мой. — Е. Т.), чем нравственность», так как нравственность не знает притязаний и поэтому представляет масштаб, не адекватный праву.⁵³

Лазерсон же полагает, что свойства, которые Петражицкий устанавливает для всей сферы интуитивного права, прежде всего его индивидуальная изменчивость,⁵⁴ могут быть отнесены только к одному его виду — *индивидуально-приспособленному* интуитивному праву. Наряду с ним он выделяет также *общественно-приспособленное* интуитивное право, которое, по его мнению, и есть то право, которое обычно именуют *естественным правом*.

Между двумя видами интуитивного права существует *эволюционная связь*: индивидуально-изменчивое право путем *социального отбора* может стать общественно-приспособленным (естественным) правом. Лазерсон поясняет это на следующем примере. Так, на определенной стадии общественного развития отдельный индивид может чувствовать потребность в некоторой независимости от других. Трансформация же такого индивидуально-изменчивого интуитивного права в совпадающую с ним по содержанию естественно-правовую «свободу личности» является результатом длительного процесса общественного отбора. С точки зрения Лазерсона, лишь то индивидуально-приспособленное право может превратиться в естественное, которое в состоянии мотивировать массовое поведение. Одним из факторов такой трансформации является общность условий формирования и развития интуитивно-правовой психики индивидов

⁵¹ Лазерсон М. Общая теория права. С. 298–299.

⁵² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 404.

⁵³ Петражицкий Л. И. К вопросу о «возрождении естественного права» и нашей программе: по поводу дис. П. И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» // Право: еженедельная юридическая газета. 1902. № 41. Стб. 1802.

⁵⁴ Ср.: «Принципально интуитивное право остается... индивидуально-разнообразным по содержанию, не шаблонным правом, и можно сказать, что по содержанию совокупностей интуитивно-правовых убеждений, интуитивных прав столько, сколько индивидов» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства. С. 383).

в рамках социальных групп.⁵⁵ Вместе с тем, полагает он, существуют естественно-правовые положения, мыслимые как изначально социально-приспособленные: свобода союзов, собраний и т. п.⁵⁶

Таким образом, в сравнении с индивидуально-изменчивым социально-приспособленное право обладает большей мотивационной силой, а его субъектом соответственно является социальная группа или общество в целом. Вместе с тем очевидно, что в представленном рассуждении Лазерсону едва ли удастся полностью избежать идеологической ангажированности: вопросы о том, почему и каким образом происходит социальный отбор именно этих, а не иных естественных прав, почему именно эти права обладают качеством «социальной приспособленности», остаются у него без ответа.

Если формулой индивидуально-приспособленного интуитивного права является поговорка «У каждого Павла своя правда», то социально-приспособленное интуитивное право притязает на признание «*quod semper, quod ubique, quod ad omnibus*». Притязание естественного права на универсальность и неизменность рассматривается Лазерсоном как необходимо присущая ему психологическая *тенденция*, без которой естественное право — как общественно-приспособленное интуитивное право — не могло бы отстоять себя рядом с индивидуально-изменчивым правом, с одной стороны, и позитивным правом, с другой стороны. Если обязательность позитивного права обусловлена соответствующими нормативными фактами, то обязательность, мотивационная сила естественного права может быть достигнута только ссылкой на его «вечность», социокультурную универсальность, «разумность». Таким образом, данные свойства, традиционно приписываемые соответствующими учениями естественному праву, есть исключительно выражение «психологической необходимости» — усилить его мотивационное действие в отсутствие нормативных фактов. Соответственно, естественное право, рассматриваемое Лазерсоном как «постоянный элемент народно-правовой психики», есть универсальное социопсихическое явление, а отнюдь не комплекс естественно-правовых доктрин, сформировавшихся в европейской культуре Нового времени. Именно поэтому, с его точки зрения, делать вывод о «смерти» естественного права вследствие упадка естественно-правовых учений — значит не понимать психолого-правовой и социальной сущности естественного права как социально-приспособленного интуитивного права.⁵⁷

Лазерсон располагает виды права по степени возрастания их мотивационной силы: индивидуально-приспособленное интуитивное право — общественно-приспособленное интуитивное право (естественное право) — положительное право. При этом он оговаривается, что положительное право только в том случае обладает большей силой мотивации, когда оно по своему содержанию совпадает с естественным правом.⁵⁸

⁵⁵ Впрочем, эту идею можно найти и у Петражицкого, когда он говорит об интуитивном праве современного культурного общества, общественного класса (рабочих, фабрикантов, крестьян, помещиков), семьи, детском, женском, мужском интуитивном праве и т. д. (Там же. С. 381).

⁵⁶ Лазерсон М. Общая теория права. С. 282–283.

⁵⁷ Там же. С. 310.

⁵⁸ Там же. С. 287. — В раскрытии соотношения между позитивным и естественным правом Лазерсон, по его собственной оценке, продвинулся несколько дальше Петражицкого, однако здесь мы не будем вдаваться в детали его позиции.

Лазерсон резюмирует:

«Данное... выше исследование естественного права как особого вида интуитивного права, не нуждается ни в каком идеологическом оправдании. Оно отбрасывает теизм, пантеизм, рационализм, социализм и т. д. как исторически меняющиеся оболочки, связанные с той или иной эпохой. Сосредоточиваясь на функциональном значении естественного права, наше объективное исследование, в последнем счете опирающееся на психологическую теорию права, не связывает **сущности** естественного права с **содержанием** тех правовых требований, которые им последовательно, в разные эпохи выдвигаются. Для нашей точки зрения не только недопустимо свести естественное право к немногим нормам, отражающим... **вечное** минимальное его содержание, но и недопустимо удовлетвориться... констатированием... **меняющегося** содержания естественного права».⁵⁹

Гипотеза Лазерсона об эволюционном отборе интуитивных правовых эмоций позволяет в свою очередь предположить, что такой же эволюционный отбор действует и в отношении позитивного права — прежде всего в отношении нормативных фактов. Высказанная Лазерсоном идея может, таким образом, служить аргументом в пользу нашей гипотезы о том, что Петражицкий исходил из представления об осуществляемом в процессе социопсихического приспособления социальном отборе фактов, которые интерпретируются как имеющие нормативный смысл. Если принять во внимание ту социокультурную перспективу эволюции права «в сторону общего блага», которая являлась мировоззренческим фундаментом правовой теории Петражицкого, то это позволяет снять некоторые противоречия в его конструкции нормативных фактов. Далеко не все факты могут являться общезначимым основанием субъективных прав и правовых обязанностей, а следовательно, как не создающие «социальную координацию поведения», не могут служить этическому прогрессу. Таким образом, этическая цель социокультурной эволюции права определяет социальную легитимность нормативных фактов и характер мотивационных процессов, определяющих выбор субъектом социально должного.⁶⁰

Вместе с тем постулируемое Лазерсоном действие в праве универсальной эволюционной тенденции есть та *предпосылка*, которая лежит в основе его — притязающей на беспредпосылочность — правовой концепции.

VII. Заключение. Позиция психологического реализма разделялась не только М. Лазерсоном, но и Е. Ланде — еще одним учеником Л. И. Петражицкого; как известно, она была также характерна для представителей скандинавского правового реализма — А. Хагерстрёма, В. Лундштета, К. Оливекроны; в настоящее время она получила развитие в работах Э. Паттаро и Э. Фиттипальди.⁶¹ Возможно, это позволяет поставить вопрос о необходимости исследования *континентального правового реализма* как

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Правоведение. 2011. № 5. С. 46–71.

⁶¹ См., напр.: Fittipaldi E. Everyday Legal Ontology. A Psychological and Linguistic Investigation within the framework of Leon Petrażycki's Theory of Law. Milano, 2012.

самостоятельного направления правовой мысли,⁶² к одним из главных черт которого следует отнести: 1) отрицание существования деонтических объектов за пределами психики человека; 2) обусловленное этим критическое отношение к любым формам «наивного» гипостазирования правовых понятий; 3) каузальное объяснение психических феноменов; 4) сохранение идеи истины как корреспонденции.

⁶² В настоящее время в издательстве Springer под ред. Э. Паттаро готовится к выходу в свет коллективная монография о континентальном правовом реализме, в которой впервые предпринимается такого рода исследование.